

ВАДИМ САТУРИН

Гимназистка Лиза

...КОГДА ЛЮБОВЬ КОВАРНЕЙ
МОРФИНА

Вадим Сатурин

Гимназистка Лиза. ...когда любовь коварней морфина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23142333

ISBN 9785448383564

Аннотация

«Гимназистка Лиза» Вадима Сатурина – остросюжетный загадочный роман в лучших традициях нуара и декаданса о взаимоотношениях юной девушки со взрослым мужчиной, пытающимся любыми путями воскресить свою погибшую любовь. Герои мрачного триллера, погружающего с первых страниц в атмосферу таинственной гимназии Профессора Беррингтона, не боятся своих грехов и пороков. «Что он сделал с тобой?» – спрашивает Ночь. «Он сделал из меня женщину, готовую на крайние меры ради любви...» – шепчет ей в ответ Она.

Содержание

Пролог	6
Акт I. Комната №69	14
Эпизод 1. Новая ученица	14
Эпизод 2. Пятничный Гость	35
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Гимназистка Лиза ...когда любовь коварней морфина

Вадим Сатурин

...когда любовь коварней морфина.

Редактор Маргарита Решетинская

Корректор Маргарита Решетинская

Фотограф Дмитрий Ломакин

© Вадим Сатурин, 2017

© Дмитрий Ломакин, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4483-8356-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Главные действующие лица:

Стэнли Паттерсон – глава семейства, отдающий вместе с женой свою дочь в гимназию; известный в стране и за ее границами предприниматель, имеет ресторанный бизнес и...

Оливия Паттерсон – жена Стэнли, мать Лизы, в про-

шлом известная актриса кино и театра, оставившая карьеру ради семьи и мужа;

Лиза Паттерсон – главная героиня, мечтательница, живущая вымышленными мирами, книжными образами и снами;

Эдгар Беррингтон – профессор, владелец гимназии, вдовец, морфинист, имеет аналитический склад ума, мизантроп;

Джулия – покойная жена Беррингтона;

Хельга фон Шварц – комендант, «классная дама» гимназии, влюблена в Беррингтона, лжива, лицемерна, строга;

Альфред Хоккинс – личный врач семейства Паттерсонов, знающий Лизу с детства, имеет двух дочерей, которые прошли обучение в гимназии Беррингтона;

Стивен Моррисон – полицейский, расследующий странную череду событий, о которой вам предстоит узнать ниже.

Все, кто не упомянут, не имеют никакого значения в этой истории, либо умирают друг за другом так быстро, что им вряд ли следует уделять внимание.

Пролог

В кирпичном доме в нескольких километрах от города неожиданно потух свет. Это произошло в тот момент, когда рослый мужчина в черной фетровой шляпе и в длинном сером пальто, не дождавшись ответа на стук в дверь, принялся подбирать отмычку. Еще несколько секунд назад свет из больших окон освещал осенний двор, а ветер подбирал оставшуюся листву. Лампочки горели ярко, лучи света от них бежали далеко-далеко вперед. Но вдруг стало темно... невыносимо темно, от чего по спине озирающегося человека поползли предательские мурашки, участилось дыхание и во сто крат сильнее забилось сердце в груди. Может быть, чудилось, но стало небывало тихо, словно все вокруг замерло, а шум, пригнувшись, как вор, растворился в ночи, будто его и не было вовсе.

Ночной гость торопился.

На связке болталось больше тридцати ключей самой разной формы: длинные, будто от дверей королевских замков и городских ратушей, короткие – отмычки от подвальных замочков и бедных городских квартир. Но подходящего ключа не было! Увы, не было.

Быстро перебирая отмычки, человек в пальто и шляпе навел такой шум, что где-то в десяти метрах залаяла собака. А может быть, лай лишь показался?!

– Черт... черт... черт! – выругался он, продолжая вертеть ключ в замке то влево, то вправо, с силой надавливая на него, но боясь при этом сломать, зная хрупкость нынешнего металла.

Неожиданно замок щелкнул. «Есть, сработало!» – вновь вскрикнул он.

Мужчина осторожно толкнул дверь вперед, выпустив пар изо рта, как струйку прозрачного белого дыма. Ночью температура опустилась ниже отметки «„ноль“», и выпал первый мокрый снег. Кошкой входя внутрь дома, гость достал короткоствольный черный шестизарядный револьвер из кобуры, взвел затвор и выставил его перед собой на расстояние вытянутой руки.

Длинный мрачный коридор. Вот слышится чье-то дыхание... вот опять кажется, что скрипит несмазанная дверь и кто-то идет за спиной... так хочется обернуться, но это лишь галлюцинации от нервов и бессонниц... и нет никого. Гость совершенно один.

Глаза все не могут привыкнуть к темноте. Никаких силуэтов... никаких очертаний... только поглощающая даже сумрак чернота. Страшно. Так страшно ему еще не было. Он бы с удовольствием закричал, но предполагая, что могло произойти в этом доме, должен был оставаться незаметным и незнакомым даже для тени. Аккуратно переставляя ноги с пятки на носок, сетуя на слишком длинный подол пальто, ночной гость, озираясь по сторонам и оборачиваясь, про-

бирался вглубь дома. На редкость на улице гораздо светлее и спокойнее, чем внутри помещения. Таинственная энергетика дома, казалось, специально нагоняет жути на человека, желая поскорее выдворить его прочь. Слышен какой-то противный скрежет, чувствуется дыхание смерти. Ствол револьвера мечется по сторонам, подыскивая для себя цель. Но нет никого, и это всего лишь миражи первого этажа.

На миг мужчина зажмурился, а когда открыл глаза, то стал различать хоть что-то перед собой. Оказывается, он прошел уже несколько комнат, но совершенно не заметил этого; оказывается, уже давно, неслышно захлопнулась входная дверь, но все еще слышатся чьи-то шаги.

«Кто здесь? Кто здесь?» – дважды про себя спросил он и спрятался за угол.

«Это не может казаться. Отчетливый звук шагов. То ли каблуки, то ли туфли на высокой платформе?! Здесь, однозначно, кто-то есть! Черт, зачем я припарковал свою машину столь близко к ограде дома?!» – рассуждал гость, высывая свою голову и вглядываясь в темноту. Позади него была небольшая винтовая лестница, которая вела на второй этаж дома. Другого пути не было. Впереди и сзади – полная неизвестность и страх. Смахивая пот со лба, мужчина стал спиной медленно подниматься вверх. Правая рука немела от напряжения, держа пистолет, левая тряслась в нервном треморе, выдавая его тревогу. Ступенек было на удивление много, словно сделаны они были под чей-то мелкий шаг.

«Удобная лестница под разный рост. О ступеньки невозможно запнуться, с лестницы невозможно упасть. Все, чтобы проживающим здесь было комфортно и безопасно», – зачем-то строил эти логические цепи он.

Метнулась тень.

– А! – вздрогнул гость и машинально чуть было не нажал на курок, но уперся револьвером в дверь. Он испугался собственной тени. «Трус, дурак, трусливый идиот!»

Отыскав в темноте круглую ручку, мужчина аккуратно повернул ее и очутился на втором этаже. Вдалеке играла музыка. Был слышен треск старой виниловой пластинки. Совершенно незнакомая мелодия. Конечно, из-за постоянно занятости на работе у героя совсем не было времени послушать хоть что-то, тем более, он считал классическую музыку скучной и безнадежно устаревшей.

Все двери на втором этаже, за исключением одной, были закрыты. Мужчина ринулся туда, преодолев приличное расстояние в несколько прыжков. Залетел внутрь, выставил пистолет перед собой. В помещении теплым светом горел ночник. На полу валялись клубки разноцветной шерсти, чувствовался запах от недавно выкуренной трубки.

– Мать Божья... – произнес гость, подняв взгляд с пола на диван в тот самый момент, как кто-то сзади положил ему руку на плечо...

– Детектив Моррисон, что здесь случилось? – спросил знакомый голос.

Обернулся.

– Господи, нельзя так пугать! – выругался полицейский. – Ты в своем уме, Джон?! – обратился он к огромному афроамериканцу, служившему в его полицейском участке.

– Боже мой... – неожиданно замер он, увидев на диване тоже, что и Стивен несколько секунд назад.

Перед ними предстала страшная картина, достойная триллеров и фильмов ужасов. Двое сидящих на диване перед небольшим столиком с шахматами были зверски убиты. Весь диван был пропитан кровью.

Полицейские подошли ближе. На голову мужчины был надет полиэтиленовый пакет, глаза были выколоты, а у женщины отрезан язык и перерезано горло.

– Больше никогда не смей меня так пугать, чертов верзила! – сняв шляпу, закричал Детектив.

– Простите сэр, я просто не стал вас звать, зная, что здесь может прятаться убийца. Я увидел записку в полицейском участке, но не нашел ваше служебное авто, поэтому пришлось воспользоваться второй машиной и отправиться по указанному адресу.

– Я же написал, чтобы за мной ехали, если я не вернусь к трем ночи. Носишь ли ты часы, идиот?! – не успокаивался Стивен.

Джон виновато опустил голову вниз. Он искренне волновался за своего шефа, который постоянно на него ругался, но все же искреннее любил. Когда-то Стивен дал ему

неплохую работу, спас от северной криминальной группировки, поделился комнатой в своем доме, обучил грамотности. Этот список можно перечислять до бесконечности...

— Кто же их, черт побери, убивает?! — обратился к темноте Детектив, подойдя совсем близко к телам убитых. — Джон, твою мать, — вскрикнул он. — У нас с весны в городе творится суцкая чертовщина.

— Я не знаю, сэр. Этот подонок, должно быть, настоящий безумец, раз совершает преступления с такой частотой, но этот безумец мастер своего дела, коль ни разу не попадался нам!

— Тупой негр! — не выдержал Моррисон, от злости комкая собственную шляпу руками.

«Не пылить. Не нервничать. Быть спокойным. Быть камнем», — успокаивал он себя.

— Прости, Джон. Я не должен был этого говорить... Просто последние полгода я сам не свой. Я не могу спокойно спать, не могу спокойно есть, я даже не могу пить этот чертов виски... он мне кажется кислым и невкусным, когда вокруг нас творится такое безумие. Мой друг, ты не виноват в этом, — хлопнув по плечу своего верного напарника, извинился Стивен Моррисон, достал портсигар и вытащил оттуда сразу две сигареты.

Джон не обижался на него, но с каждым разом ругань и прямые намеки на его национальную принадлежность все больше цепляли за душу. Джон Гиббз считал своего шефа

настоящим другом, искренне желая быть для него тем же. Увы, каждый раз он ошибался.

– Джон, мы найдем этого безумного психопата, – сказал Моррисон. – А сейчас проверь, есть ли в доме телефон... Если нет, мы съездим до участка и вернемся с криминалистами. Раз мы не можем понять убийцу логически, пусть нам помогут ребята с колбами и мазками. Говорят, именно за ними будущее в нашем деле. Ступай, мой друг, ступай же!

Детектив подошел к граммофону и убрал иглу с пластинок.

«Кто же ты, кто?! Что тебе надо от всех этих несчастных?!»

Он совсем не заметил, что музыка не утихла. Ах, как странно все происходящее в этом доме: погаснувший свет, скрип и звуки, перестуки между комнатами и сама по себе вращающаяся пластинка. Стоит только присмотреться. Человек. Человек слишком прост. Как только он получает устраивающий его ответ, он тут же забывает про свои мистические догадки, словно пространством простым решением хочет увести его от истины.

– Неправильно истолкованная правда – еще не истина. Недопонятый ответ – еще не решение! – говорил вслух Стивен, закуривая сигарету и не осознавая глубину своих же мыслей. Как только появился напарник по службе, дом перестал представлять для Детектива какую-либо опасность. Все шорохи он приписал ему, все стуки – звуку туфель, шу-

мы – дыханию, скрип – открывающимся дверям и так далее. Но музыка, она все звучит из граммофона, и это нельзя не заметить.

– Что здесь происходит? – вновь вытащив револьвер, шепнул себе под нос Стивен, наконец-то поняв, что музыкальная пластинка вращается без механического воздействия.

Раздался выстрел револьвера. Гильза звонко упала на пол. Ночник потух...

– ...Детектив Моррисон, кажется, вы искали меня?!

АКТ I. Комната №69

Эпизод 1. Новая ученица

*тишина вязала секреты,
и тикало время в часах.
– мамочка, я не состою из света,
я – тьма и порочность во снах.*

Ранним утром 30 августа автомобиль семейства Паттерсон проехал тридцатый километр, спустившись с крутой асфальтированной горы, и свернул на витиеватую проселочную дорогу. За рулем был глава семейства Мистер Стэнли Паттерсон – солидный мужчина, заработавший свой первый миллион фунтов стерлингов на отправках элитного алкоголя на Запад, открывший в столице своей страны сеть из десяти ресторанов и имевший к своим годам совершенно все, что мог себе позволить. Что сказать про его внешний вид? Всегда дорогие костюмы, длинные и толстые кубинские сигары или трубка, очки в золотой оправе и, конечно же, дорогие швейцарские часы – подарок от друзей-компаньонов. Справа от него, удобно расположившись на сидении автомобиля, ехала его жена – Миссис Оливия Паттерсон, известная в прошлом актриса, которая на пике своей популярности

в возрасте 28 лет познакомилась со Стэнли на банкете, вышла за него замуж, бросив театр и набирающий успех в киноиндустрии. Муж обеспечил ее всем, а она, в свою очередь, подарила ему дочь Элизабет, которую отец всегда называл более ласково Лиза.

– Наконец-то мы приехали, Стэнли. Еще немного, и меня бы начало укачивать. Так рано и так далеко от дома мы не ездили очень давно. Мне следовало взять с собой больше минеральной воды, ты знаешь, что я не переносу езду в автомобиле, – сетовала жена, выходя из авто и открывая дверь своей дочери. – Элизабет, возьми свои вещи...

Отец припарковал машину, закрыл двери и направился к своему семейству. Открыв калитку, они вошли во внутренний двор частной гимназии, в которую попадали самые одаренные, а может быть, самые богатые дети со всей страны. Никого не было. Прошлись по каменной дорожке до входной двери в трехэтажное старинное здание каменной кладки. Мистер Паттерсон постучал.

– Одну минуточку, – раздался женский голос, слышались шаги. Дверь отворилась. На пороге стояла женщина со строгими чертами лица. На вид ей было чуть больше сорока лет; аккуратно подстриженная, в деловом платье и с двумя толстыми книгами в руках.

– Здравствуйте, мы семья Паттерсон, приехали к вам в гимназию. Лиза... Лиза, немедленно поздоровайся.

– Доброе утро, – неохотно и тихо произнесла девушка,

смотря себе под ноги.

– Есть ли у вас приглашение? – спросила женщина.

Стэнли торопливо полез в карман своего пиджака.

– Вот оно, – сказал он, протянув свернутую пополам бумагу.

– Ах, да! Семья Паттерсон и их умница Элизабет, – мимо улыбнулась женщина сорока с лишним лет с ярко накрашенными тонкими губами. – Проходите. К сожалению, наш директор – Профессор Эдгар Беррингтон – сейчас немного занят, но непременно примет вас некоторое время спустя. Что ж... А пока вы можете посмотреть нашу гимназию, – сказала женщина. – Простите, последнее время я стала крайне рассеянной. Совсем забыла представиться. Меня зовут Хельга фон Шварц. Я Комендант этой гимназии, правильнее сказать, Классная Дама. Эта должность более полно отражает суть моей работы в этих стенах. Ах да, родом я из Германии, из прекрасного лучезарного Берлина, о котором скучаю каждый день и каждую ночь.

– Я – Стэнли, это моя жена Оливия и дочь Лиза, – представил всех Мистер Паттерсон. – Совсем недавно мы получили приглашение от вашей гимназии отправить к вам на обучение нашего ребенка. Признаться, я часто слышал о высоком уровне образования и культуры в вашем учреждении, поэтому не думая согласился на ваше предложение...

– Да, у нас гимназия частного типа, которая чтит традиции классической школы, а от современности черпает толь-

ко то, что поистине пригодится любой даме, станет она светской или домашней женщиной.

Гости прошли вглубь гимназии в гостиную комнату. В уютной обстановке искусно сочетались классическая мебель и предметы интерьера с чем—то совершенно непонятным на первый взгляд. Например, на черном рояле стояла ваза, вылитая таким образом, что цветок в ней помещался под прямым углом; на стенах висели картины с геометрическими фигурами и разными, можно подумать со стороны дилетанта в этом деле, кляксами и мазками. На потолке висела массивная люстра на шесть лампочек, из которых были вкручены только две. Каждая мелочь, каждая деталь могла надолго увлечь человека, очутившегося здесь. Песочные часы, скульптуры и нэцкэ, копилки и небольшие фонтанчики на подоконниках.

— Как вы можете понять, Лиза с отличием окончила столичную школу прошедшей весной. Ей исполнилось 18 лет, и теперь она может стать полноценной гимназисткой и получить лучшее образование, как это подобает девушке из высшего общества, — так быстро и эмоционально говорил отец, что даже неподготовленный мог почувствовать его крайнюю заинтересованность в обучении дочери, словно ему это было в сотни крат важнее, чем ей.

Он, Лиза и жена сели на диван напротив. Между Классной Дамой и гостями стоял стеклянный столик причудливой формы — широкий, но не длинный — посередине которого,

пожалуй, вмещалась только шахматная доска, а по бокам была куча свободного места.

– Мистер Паттерсон, вы, верно, заметили, что в гимназии мы преподаем самые разнообразные дисциплины, переплетая в единое целое теорию и практику...

Разговор прервала вошедшая в гостиную гимназистка, которая зло посмотрела на новых гостей своими пронзительными карими глазами, а затем что-то шепнула на ухо Фрау фон Шварц.

– София, немедленно вернись в свою комнату! Неужели ты не видишь, что я разговариваю с родителями нашей будущей ученицы?!

– Простите, Фрау Хельга. Я совсем не обратила на это внимания, – виновато ответила девушка и поспешила как можно быстрее покинуть комнату, не сводя взгляда с Элизабет, которой от этого стало и вовсе не по себе, а лицо залилось предательской краской. От злого взгляда жгучей брютетки в ее сердце слегка закололо.

Продолжительную паузу прервала миссис Оливия, спросив Коменданта:

– Насколько мы понимаем, у вас организован интернат?

– Да, абсолютно верно! Как вы заметили, гимназия у нас частная, поэтому сюда попадают только самые лучшие девушки со всей страны, а их, увы, становится все меньше и меньше. Мода, светский бомонд, новые идеалы, падающая мораль и регрессия культуры – опускают все высокое на са-

мое-самое темное дно. Мы же учим выживать во всем этом. Здесь проживают и сироты, которые отличились в своих приютах и готовы следовать из одного общественного класса в другой.

– Хм, оригинально! – улыбнулся Стэнли. – У вас правит консерватизм?

– Что вы, что вы. Конечно же, нет! У нас сформирована уникальная воспитательная программа. Миссис Паттерсон, Лиза, вы можете пройти вместе со мной и пообщаться с любой гимназисткой от первого до второго курса, узнав от них мнения о качестве обучения, – ответив на вопрос, предложила Фрау фон Шварц.

– Отличная идея! – обрадовался отец. – А я пока пойду на улицу, выкурю сигарету и дождусь Профессора Беррингтона.

Если посмотреть на гимназию с высоты птичьего полета, можно увидеть прямоугольный двор, окруженный металлической оградой и средний по величине дом перевернутой Т-образной формы. Перед домом слева стоит небольшая беседка, выкрашенная в белый цвет. Справа по кругу расположились деревянные скамейки и несколько столиков, где в теплые весенние и летние дни гимназистки могут гулять, читать друг другу стихи или слушать лекции по культурологии и философии. Во внутреннем дворе, выйти в который можно было и через черный ход дома, стоит несколько качелей, сиденья которых крепятся толстыми металлическими

цепями.

Стэнли любовался четкой каменной кладкой здания, стараясь растянуть сигарету подольше, чтобы Оливия и Лиза могли полноценно осмотреть гимназию изнутри. На улице для последних дней лета было относительно тепло, а главное сухо. Последние дни августа, согретые полуостывшими солнечными лучами, навевали на сердце легкую меланхолию, но не столь глубокую, чтобы уйти в печаль с головой. Ему было жаль расставаться с дочерью на такой продолжительный срок, а еще грустнее было остаться один на один с женой, ведь в их отношениях уже давно исчезли страсть и взаимопонимание. Умел бы он ее слушать... ах, умела бы она восхищаться им. Быть может, тогда, как две бочки сухого пороха, взорвались их сердца и от вспышки зажглась любовь. Но уже не сейчас. Есть то, что никогда не вернет любовь.

Неожиданно, словно по чьей-то команде, ученицы, взяв чашки с чаем и кофе, вышли во двор и направились по своим делам. Кто-то принялся читать книгу, кто-то – расчесывать волосы, другие девушки, сев на деревянные скамейки, принялись о чем-то беседовать.

Паттерсон насчитал около двадцати гимназисток, одетых в одинаковые черные платья с белыми воротничками и туфли на невысоком каблуке. На левой руке у каждой были надеты одинаковые золотые часики, на шее – золотые цепочки с крестиком. Но еще больше мужчину привлекло то, что в этих молодых, еще юных и невинных девушках совер-

шенно не было никаких эмоций: ни радости, ни тоски, ни печали. Каменные, бледные, словно неживые, кукольные лица не выражали совершенно ничего. Пожалуй, и вам они бы показались странными, будто бы гуляющими наяву под гипнозом. Но подобные наблюдения ни сколько не отбили желания познакомиться с будущими сокурсницами и старшекурсницами своей дочери.

– Доброе утро. Меня зовут Стэнли... Мистер Стэнли Паттерсон. Мы вместе с женой привезли сюда нашу дочку. Она поступила на первый курс по приглашению Профессора Беррингтона, – вежливо обратился к девушкам мужчина, подыскивая урну, куда он может выкинуть окурок.

Никто не обратил на него внимания, лишь одна из гимназисток, подняв голову, посмотрела ему прямо в глаза. От этого холодного равнодушного взгляда по спине пробежал холодок, но спустя мгновение, еще не успев опомниться, он услышал:

– Мы думаем, что вашей дочери очень понравится у нас. Это лучшая гимназия во всей стране, а может быть, и в мире. Говорят, не так давно ее закончила девушка из Москвы: русская, прекрасная, самых голубых кровей и самой высокой чести. Она уехала обратно в Россию и многого добилась там. А как зовут вашу дочку? – спросила девушка невысокого роста с родинкой на верхней губе и каплей вишневого джема на белом воротничке.

– Лиза... Элизабет, ее имя.

– Лиза, – уголки рта девушки слегка вздрогнули, но на лице осталась совершенно равнодушная гримаса. – Красивое имя. Ей здесь непременно понравится. Профессор Беррингтон и Хельга фон Шварц – самые замечательные люди на свете...

Почему-то от всех этих слов на душе отца не стало легче. Быть может, даже наоборот...

Вернувшись в просторную гостиную комнату, он застал сидящего на диване мужчину, читающего газеты последних известий за чашкой кофе.

– Вы мистер Паттерсон? – спросил мужчина, откладывая газету в сторону.

– Да, мы приехали по вашему приглашению. Моя жена, дочка Лиза и Фрау Хельга пошли знакомиться с ученицами, заодно подыскивать комнату для размещения, – сказал Стэнли, протянув руку профессору, но Профессор сделал вид, что не заметил этого жеста и тут же продолжил:

– Я в курсе. Я знал, что вы приедете, уважаемый Мистер Паттерсон! Лучшего места для обучения вашей дочери не найти во всем мире... Эм, я думаю, мне не стоит показывать все регалии своей гимназии и передавать вам книгу отзывов и благодарностей для изучения. Поверьте, она толще, чем «Война и мир», и красочней, чем «Алиса в стране чудес», – сдерживая улыбку, произнес хозяин. – Но это неважно. Я вижу, что вас мало интересуют подробности. Мы, люди, зачастую не думаем о том, как приходим на ту или иную

дорогу – нас интересует только выход из нее... нам важнее конечный результат, чем средства и методы, которыми мы его добиваемся! Ведь так?!

– Нельзя не согласиться! Вы зрите в корень! – ухмыльнувшись Паттерсон, осматривая тем временем помещение, в котором стоял приятный запах кофе.

– Это «Крем-брюле» – кофе, который мне подарил один месье из Парижа, – опередив мысли гостя, заявил Беррингтон. – Его дочь наконец-то избавилась от своих комплексов. Две недели назад она подарила своему мужу и отцу – теперь уже дедушке – двух великолепных девочек, которых сейчас записали в нашу гимназию. Ах, надеюсь, жизнь позволит мне воспитать их третье поколение. Увы, наше существование недолговечно.

Мужчина встал с дивана и жестом предложил сесть туда Стэнли, а сам направился к массивному кожаному креслу напротив. Густые черные волосы с мелкой проседью были аккуратно зачесаны на левую сторону, в правый глаз был вставлен монокль, а из нагрудного кармана бежевого пиджака свисала серебряная цепочка от карманных часов. Сам же Профессор Беррингтон был одет в однотонный костюм-тройку. Верхняя пуговица белой рубашки с высоким воротником была застегнута, а конец черного в белую полоску галстука был спрятан под жилетку, на безымянном пальце правой руки – красивое дорогое обручальное кольцо. «Вдовец», – подумал Паттерсон.

Двое мужчин сели напротив друг друга.

– А теперь по существу, Мистер Паттерсон! *A maximus ad minima*, или если перевести с моей любимой латыни – *от большого к меньшему*! – сказал Профессор, который всегда любил вставлять крылатые выражения в разговор. Это помогало ему не только концентрироваться и выдерживать необходимую паузу, но и чувствовать себя в диалогах и спорах на уровень выше своих оппонентов. – Первое! С дочерью вы сможете видеться в любое время, но только после предварительной заявки. Это может быть телефонный звонок, телеграмма или письмо. Спросите, почему?.. Ответ прост! Наша программа обучения состоит из непрерывного погружения в материал. Неделю мы можем изучать одну только философию, другую – уйти в историю и живопись. Поймите меня правильно, крайне важно, чтобы ни одна гимназистка не отвлекалась от занятий из-за приезда родственников. Мне и моим преподавателям не нужна тоска по дому, а вдали, мы понимаем, насколько нас тянет назад. Соответственно, наш уровень развития откатывается назад. Так зачем толкать тяжелый камень в гору дважды, если мы и так его тяжело подняли однажды?

Стэнли внимательно слушал хозяина гимназии.

– Второе, – продолжил он, вытащив монокль и протерев веки безупречно белым носовым платком. – Срок всего обучения два года, но зачастую наши безмерно талантливые ученицы закрепляют материал быстрее. Оплату за обучение вы

можете произвести в любом банке страны, – сказал Беррингтон, протянув бумажку с реквизитами своему собеседнику. – Я думаю, что эта сумма не удивляет вас?

– Нисколько, – улыбнулся Паттерсон и убрал реквизиты в нагрудный карман. – Разве можно жалеть деньги на любимого человека?

«Деньги и любимый человек? Он видит в этом прямую связь?! Глупец!» – подумал Профессор.

– Великолепно! Вот, собственно говоря, и все, что я хотел вам сказать.

– Одну минуточку, – приподняв указательный палец, сказал гость. – Помимо того, что я оплачу обучение дочери, я бы хотел сделать небольшой финансовый взнос в фонд вашей гимназии.

Чек. Ручка. Круглая сумма. Подпись.

– Вот возьмите!

– Что это и зачем? – удивился Эдгар Беррингтон, зная, что когда человек дарит деньги так спонтанно и так много, он хочет что-то купить: любовь, доверие, симпатию или нечто вовсе непредсказуемое, например, душу.

– Не считите за наглость, но у меня к вам есть небольшое деловое предложение. Мой самый большой страх заключается в том, что я боюсь, что моя Лиза станет похожа на свою мать – истеричную психопатичную стерву, которая может часами рыдать в спальне нашего дома, срываться на меня и дочь, а потом как ни в чем не бывало чувствовать себя

веселой и жизнерадостной, – сказал он полушепотом, опасаясь быть невольно подслушанным кем-то. – Когда мы познакомились, она была совершенно другой. Она была женщиной, живущей на широкую ногу, а я со своим состоянием мог позволить ей совершенно все и даже больше. Одна фраза «я хочу...» радовала и заводила меня. Я покупал ей шубы и дорогие духи, колье и бриллианты. Сейчас ей это не нужно. Да, возможно, я целиком поменял ее! – досадливо сказал Мистер Паттерсон. – Возможно, она повзрослела и лишилась девичьей беззаботности и задора. Но вы поймите меня как мужчину. Я хотел жить с женщиной, а не со стареющей каргой, которую тошнит от вина и которая не переносит запаха моих сигар, хотя зачастую выпивает и курит сама, причем скрытно от меня. Будьте добры, сделайте из моей дочери самостоятельную личность, независимую и гордую, не боящуюся встречного ветра и жизненных проблем. Пусть она не будет разбираться в музыке и литературе, пусть деньги и мужчины станут ее искусством, и однажды она не испугается покинуть наш дом и узнать завещаемую ей правду!

– Я вас понял... понял, – закивал Эдгар, пряча чек в нагрудный карман и понимающий, что это не просто желание родного человека, а вызванная чем-то необходимость. – Обещаю, я поработаю над Лизой и оправдаю ваши ожидания, Мистер Паттерсон. Главное, чтобы вы этого искренне хотели и потом не жалели о том, что сотворили сами. Ведь так?!

– Спасибо, я знал, что вы поймете меня, как мужчина

мужчину, – пожал руку Эдгару Стэнли.

– Конечно, – улыбнулся Профессор. – Ваша Лиза станет самой лучшей в мире женщиной – настоящим подарком для смелого мужчины, уважаемый.

Лиза, Хельга и Оливия закончили осматривать этажи гимназии. Сошлись на том, что первокурсница Элизабет Паттерсон заселяется в комнату №69, которая находится на втором этаже, и в которой проживают еще три ученицы, переходящие на второй курс. Фрау фон Шварц пообещала матери Гимназистки, что как только станет свободна одиночная комната, умницу и красавицу Лизу, о величии заслуг которой говорили десятки разных цветастых дипломов и благодарственных писем с позолоченными вензелями, сразу же переселят туда.

– Элизабет, спускайся к отцу. Мне нужно поговорить с Фрау один на один! – попросила Оливия свою дочь, бросив на нее строгий недобрый взгляд из-под тонких выщипанных бровей.

– Хорошо, мама, – улыбнулась дочка, но улыбка больше походила на нервный спазм, чем на искреннюю радость. Лиза выглядела моложе своих 18 лет только из-за того, что по настоянию матери совсем не пользовалась косметикой и одевалась не очень-то искусно для молодой девушки нового столетия. Темные волосы были туго и глупо закручены в немодный хвост, а лицо небрежно покрыто тонким слоем белил. Но, как бы ни пряталась красота за безвкусыностью

и серостью, Классная Дама не могла не обратить внимания на ее большие загнутые ресницы, худую длинную шею, большие глаза и пышные губы, которые могли бы стать причиной зависти светских модниц и соблазном для кавалеров.

Оливия обратилась к Коменданту:

– Уважаемая Фрау Хельга, я знаю, что и вы принимаете участие в обучении юных девушек. Мне бы хотелось попросить вас об одной услуге. Дело в том, что я не хочу, чтобы моя дочь стала похожей на меня. Всю свою молодость я провела в постелях и ресторанах вместе с теми, кто сделал меня знаменитой и известной на весь мир. Да, я могу это признать, ведь как-то раз призналась в этом самой себе. Это было тяжело сделать, но... – тяжело вздохнула Миссис Паттерсон, которой с трудом давались откровения «глаза в глаза». – Эмм... В общем, именно поэтому я ушла из шоу, чтобы стать прекрасной матерью и любящей женой для своего Стэнли. Признаться, у меня это получалось скверно – по сей день мне хочется страсти и огня, танцев и феерий, а моя стервозная сущность... стерва внутри меня, ох, так и норовит выпрыгнуть, страстно искушать тела мужчин и опуститься на самое холодное каменное дно... К сожалению, все это мне приходится скрывать от мужа, который видит только поверхность моих чувств и мыслей. Что творится во мне – это сравнимо с морским ураганом, опоясывающим мое сердце и душу. Я хочу иметь мужчину, который станет мне другом и любовником одновременно. Да-да... Когда-то я бы послала к черту

свое настроение, напилась бы виски и отправилась на такси кутить по городу, а на следующий день выступила бы в театре и снова напилась до потери сознания. Но сейчас... Я изменилась и изменения уже необратимы, хотя в душе, пожалуй, осталась прежней, – полушепотом говорила женщина, то поднимая, то опуская взгляд. – Возможно, я больна.

– Чем я могу вам помочь? – с тревожным видом спросила Хельга. Женщина достала из сумочки пачку банкнот на круглую сумму и протянула их Фрау.

– Пожалуйста, я хочу, чтобы вы повлияли, воспитали мою дочь и сделали ее нежной и романтической, наделили ее способностью влюбляться и любить по-настоящему – просто, честно, безвозмездно, а не потому, что из карманов падают на пол деньги, а связи и влиятельные друзья позволяют достать с неба луну.

Комендант взяла деньги, оглянулась по сторонам и спрятала их себе в бюстгальтер.

– Хорошо, уважаемая Миссис Паттерсон, я позабочусь об этом, и возможно, обсудив некоторые детали с Профессором, мы сформируем индивидуальную программу для вашей дочки, – пообещала она, но тут же поправилась. – Хотя с каждой гимназисткой мы и так работаем индивидуально...

Оливия улыбнулась. На сердце стало легче. Пожалуй, никому и никогда она не исповедовалась так быстро и без зазрения совести. Всегда она была женщиной уверенной в себе, вертящей мужчин как мячик на указательном пальце,

но не способной любить всем сердцем. Муж изменил ее, показал, каким образом он зарабатывает те деньги, что ей так нравится тратить. Вместе с этим пришло и осознание своей причастности, а с последующим изменением характера и модели поведения женщина почувствовала себя самой последней дрянью на земле, виновной во многих злодеяниях. Муки совести, вспышки меланхолии и зачастую скверное настроение в барах и ресторанах, в которых она привыкла пить дорогое вино и танцевать на столах, не думая о последствиях.

– Пойдемте вниз, должно быть, Беррингтон уже побеседовал с вашим мужем, – взяв Оливию под локоток, заявила Хельга, не заметив, как весь их разговор подслушала София, спрятавшись за угол, нервно кусая ногти и истекая злом и завистью к новенькой Гимназистке.

Из-за чего? Почему?

Пока отец и мать давали последние наставления своей дочери, в роскошную гостиную гимназии с мебелью ручной работы и дорогими антикварными картинами спустились несколько преподавателей. Беррингтон поспешил их представить:

– С Классной Дамой Хельгой фон Шварц вы уже знакомы. Она, как и я, проживает в гимназии, превосходно знает философию, особенно немецкую, преподает ее и этику, – начал он, указав на сухую тощую женщину правой рукой, средний и безымянный пальцы которой, сильно дрожали. – Идем дальше! Антонио Фантуано – родом из Италии, но в совер-

шенстве владеет английским, немецким, французским, испанским и русским языками, – Профессор перевел взгляд на седого сторбившегося старика, который мило улыбнулся и покивал головой. – Маргарет Брюнз – преподаватель бальных танцев и балета, – родители увидели молодую приветливую белокурую девушку со светящимся от радости лицом, словно сегодня самый лучший день в ее жизни. – Так-с, дальше... Эмм. Анастасия Соловьева иммигрировала в нашу страну десять лет назад с русских земель. Она небывало талантливый художник, историк, знаток классической и современной живописи и литературы, да и просто удивительно красивая женщина и восхитительно эрудированный собеседник. Последнее время она преподает мне русский язык. Эмм... *«Поле. Ночь. Рхастют цветы, о как крхасиво, беззащитно и пичьально. Ф свете луннай тимноти полюбил йа их нечаянно...»* – объявил последнего вышедшего на встречу педагога Эдгар, прочитав строчку из стихотворения любимого русского поэта, немного рассмешив Анастасию произношением. – Простите, у меня еще очень сильный акцент... Итак, это наш малый коллектив за неимением тех, кто... Видите ли, уважаемые родители, сегодня в расписании нет их предметов и педагоги могут спокойно предаться чтению научной литературы.

Оливия и Стэнли посмотрели друг на друга. Рука Мистера Паттерсона лежала на плече Лизы.

– Дорогая, все просто замечательно! – улыбнулся он же-

не. – Не зря мы выбрали именно вас, Профессор!

– Да, согласна, – смотря на Хельгу, немного улыбнулась мать. – Лучшего места для образования нашей Элизабет не сыскать на всем белом свете. Каждый из родителей думал о том, что всего через два года Элизабет станет воплощением их подсознательных желаний, но точную цель и намерения не представлял никто. Только Лиза, сердце которой чуть ли не выпрыгивало из груди, чувствовала что-то неладное.

Спустя час после совместного чаепития Оливия и Стэнли сели в свой автомобиль и поехали обратно в город. Хельга провела Лизу в комнату №69 – небольшое помещение с четырьмя кроватями, расположенными в углах.

– Элизабет, теперь это твой дом, – обратилась она. – Ты можешь пользоваться всем чем угодно. В тумбочке имеются средства гигиены, в общем шкафу я выделила для тебя несколько вешалок, а также приготовила тебе форму гимназистки, а часики, кулон и цепочку тебе выдаст Профессор.

– Хорошо, я очень рада, – улыбнулась девушка, сев на мягкую и удобную кровать и начав распаковывать свои вещи.

– Твои будущие подруги сейчас на занятиях и освободятся ближе к вечеру, поэтому пока ты можешь почитать любимую книгу или сходить в нашу библиотеку и еще раз прогуляться по гимназии, – предложила Комендант.

Фон Шварц ушла, прикрыв дверь.

Переодевшись и распустив волосы, Лиза посмотрела

на себя в небольшое квадратное зеркальце. «Мне бы следовало немного поправиться, чтобы выглядеть более симпатично. Слишком сильно выступают скулы, слишком бледное лицо. Ах, сегодня первый день моей новой жизни», – тихо прошептала она.

Поздний вечер. Комната №96. На письменном столе стоит бокал с безупречным виски и прозрачным льдом. Свет от настольной лампы, преломляясь в алкоголе и кубиках льда, тает на дне. В пепельнице дымится сигарета, вокруг разбросаны листы бумаги, открыт личный дневник, в который Беррингтон, аккуратно выводя каждую букву, а порой срываясь в неистовую спешку, записывает свои откровения, не забывая при этом использовать лист промокательной бумаги.

Из дневника Профессора Э. Беррингтона:

«Как наивны родители мальчиков и девочек, как глупы, бездумны и бестактны. Деньги – мерило отношений, деньги – символ власти, деньги – все и вся?! Чушь собачья, вздор, безумие. Кто знает цену денег – тот презирает и ненавидит их, как карманную вошь, как мелких разноцветных паразитов и микробов.

Новая ученица. Лиза. Кого она мне напоминает? Что-то неуловимое в ее грустном миловидном лице... от ее первых робких жестов учащается биение моего сердца? Ни одна гимназистка, ни одна скверная женщина за последние пять

лет не вызывали такое чувство непонятной необъяснимой тревоги.

Ах, стоит отметить, что, быть может, сама судьба посылает мне тайные знаки. Неспроста из всех комнат до конца не была укомплектована только одна – комната под номером 69, словно что-то неподвластное моему рас-судку нашептывает мне: «Присмотрись... присмотрись... внимательно и тщательно... не торопясь, но и не упуская возможность сделать то, что ты задумал давным-давно».

Боль. Морфий. Сон».

Он вывел последнее слово, чиркнул спичкой, подкурил еще одну сигарету и поджег полученный днем денежный чек, пристально смотря на то, как в синем пламени яро сгора-ют круглые, как луна, нули... бесполезные холодные нули... цифры.

Эдгар не знал, что этажом ниже, в комнате Хельги фон Шварц горят синим пламенем банкноты – ненужные ей день-ги, подаренные Оливией.

Эпизод 2. Пятничный Гость

*холодные пальцы... мокрая кожа.
рвется Он подсмотреть твои сны
и прячется воров третьим под ложе,
когда откровенья состоят из весны.*

Горько признать, но скромная и малообщительная Лиза не понравилась своим сокурсницам и уж тем более старшекурсницам уже с первого месяца проживания в гимназии. Вызвано это было сразу несколькими причинами. Во-первых, София, истекая завистью и злобой, в тот же миг растрезвонила всем и вся о переданном Фрау фон Шварц чеке, придав этому факту самый наихудший окрас. Она напрочь забыла причину, по которой Оливия дала кругленькую сумму, но во всех красках и подробностях рассказала о взятке Коменданту. Во-вторых, быть может, по злomu стечению обстоятельств, Профессор Беррингтон не смог подыскать золотые часы, цепочку и кулон с выгравированным гербом гимназии. Вместо этого в своем личном сейфе он нашел все те же предметы, за исключением одной маленькой детали – они были сделаны из серебра. Элизабет, будучи левшой от рождения, надела часики на правую руку, а посчитав дурным тоном носить кулон поверх одежды, спрятала его под платье. Как бы смешно это ни звучало, но своим внешним видом она стала отличаться от окружающих ее девушек, которые ежеминут-

но бросали косые взгляды в ее сторону, шептались и обсуждали.

Третьей причиной презрения стали стихи. Бесконечным пустым разговорам и сплетням Лиза предпочитала литературу, а надоедливый и безвкусный местный газетам – свой собственный дневник, который она вела с первого дня своей сознательной жизни, рассказывая в нем о своих переживаниях, страхах и жизненных смятениях. Крайне редко она писала стихи сама, но когда что-то таинственное начинало «зудеть» в груди, девушка брала ручку, на одной стороне листа быстро записывала свои мысли, соблюдая все правила написания стихотворений, вносила правки, переворачивала лист и уже красивым почерком переписывала стих, выводя каждую букву. Признаться, порой оставалось много пробелов и несрифмованных строк.

Пожалуй, никто из окружения гимназии не симпатизировал Элизабет, кроме самого Профессора Эдгара Беррингтона, который находил в юной девушке образ женщины, способной сводить с ума любого мужчину и ставить на колени перед собой даже самых наглых и хитроумных стерв, коих повидал наш белый свет. Почему это было так? Об этом знает только сам Профессор, который не раз признавался себе в том, что Лиза не просто внешне похожа на его умершую в 25 лет жену, но и несет в себе часть ее характера. *«Осколки души! В ней осколки ее души!»* – твердил он себе постоянно. – *Быть может, душа моей Джулии, отделившись от тела,*

зависла где-то на подступах к небесам, стала истинно эфемерной, застыв в брэнном полете над землей, а спустя годы ворвалась в девичью душу Лизы?» – спрашивал он себя, будучи запертым на ключ в своей комнате, и выпивая не больше ста грамм виски. Каждый день Эдгар не находил ответа на свой вопрос, молча готовил раствор для «морфиновых процедур» перед сном и смотрел на то, как все вокруг, и даже вечер рьяно окунается в ночь, расширенными зрачками своих безумных карих глаз.

Немаловажно отметить еще одну причину. Хельга фон Шварц с первых дней работы в гимназии всем сердцем была влюблена в Беррингтона, видя в нем свой идеал мужчины, ум, серьезность, интеллигентность и даже некоторую, скрытую от посторонних глаз, брутальность. Ей нравились и его снобизм, и перфекционизм, и уж тем более чрезмерная любовь к психоанализу, порой доходящая до паранойи. Увы, Фрау любила Эдгара безответно, но, вечно погруженный в свои заботы, он не видел в ней женщину, замечая только коллегу, ответственного работника и советника по индивидуальным программам для гимназисток.

Наверное, поэтому любовь, говорила она, есть тонкое сочетание в себе двух компонентов: драмы и лирики. Без переживаний нет любви, без любви невозможны чувственные терзания души и тела. Влюбляясь и любя, человек всегда будет ходить по острию ножа, норовя соскочить и упасть либо влево – в бездну драмы и печали, либо вправо – в море

бесконечной романтики и страсти. Но нет никаких границ между ними, нет постовых, которые предупреждали бы нас о неминуемом падении. *«Куда же упасть, решает не человек, – на своих занятиях по философии, говорила ученицам Хельга. – Решает тот, в кого влюблен ты. И если твоя любовь безответна и ребячески глупа, то винить в этом следует только себя, помня, что от нее не придумано никакое лекарство, а к морфию и опиуму слишком быстрое привыкание. Как и к любви, между прочим. Человечеству известны тысячи примеров того, как тесно связаны с собой любовь и безумие, любовь и ненависть, любовь и еще что-то, что мы не можем осознать по сей день. Пожалуй, нужно находиться за пределами истины, выше нее, еще невинней ее, чтобы это понять, мои ученицы...»*

Но Классная Дама чувствовала, как смотрит на Лизу ее воздыхатель, как неожиданно загораются его полуприкрытые глаза, а руки начинают предательски дрожать, как у юноши в 17 лет. В такие минуты Хельга забывала о всякой этике, философии, нравственности и золотых правилах, отпуская внутри себя страшные проклятья и бранные выражения. В сумме, это и было четвертой причиной, по которой уже спустя три месяца проживания в гимназии, послушно выполняя домашние задания и впитывая в себя каждое слово на семинарах, Лиза оставалась одна...

Темной поздней ночью, когда на небе не осталось ни одной звезды, а луна спряталась за черную тучу, похожую

на индийского слона, гимназистка почувствовала желание справить нужду, из-за того, что перед сном выпила много китайского байхового зеленого чая. Аккуратно, стараясь не будить проживающих в комнате девушек, на цыпочках, без тапочек по холодному полу Лиза пошла в дамскую комнату.

Ноябрь бился в окна.

На улице ветер завывал жуткую мелодию и нагонял на романтическое сердце девушки страх и бессонницу, а темнота... Ах, темнота касалась плеч холодными костлявыми руками и всегда была рядом!

Подойдя к двери туалета и несколько раз дернув за ручку, Гимназистка поняла, что комната заперта изнутри. Она посмотрела в замочную скважину – тишина и нет никого. Но что-то мистическое подсказывало ей, что там кто-то притаился, не шевелится и даже не дышит.

– Пожалуйста, откройте! – едва сдерживаясь, попросила она, но, не услышав ответ, метнулась на улицу. Входная дверь гимназии была также заперта.

Все вокруг было против нее, и даже проклятый дом. Когда она почувствовала, что уже обмочилась, в коридоре неожиданно загорелся свет. На Лизу уставились с десятков пар глаз во главе с Комендантом Хельгой.

– Дрянная девчонка! Неужели ты просто не могла дотерпеть до туалета. Дверь была открытой, распахнутой, специально для таких дурочек, как ты! – закричала она и отвесила несколько пощечин по лицу Гимназистки. Щеки от силь-

ных ударов загорелись пламенем, а девушка под смех и презрительные возгласы сокурсниц, мокрая и униженная упала на пол. – Иди, прими туалет и выгляди как подобает женщине – чистой, аккуратной, красивой и лучезарной. Нечего реветь. Слезы – удел капризных истеричных идиотов. Здесь таких нет и не будет!

От стыда прикрывая лицо руками, Элизабет ушла в туалет, затем вернулась в свою комнату, но до самого рассвета, укрывшись теплым одеялом, не сомкнула глаз, смотря в потолок и думая о произошедшем инциденте. Она не могла поверить в случившееся и сомневалась в том, что дверь действительно была закрытой, и все это случилось по злому умыслу кого-то. И чем больше думала об этом Элизабет, тем темнее были тени обиды, зла и стыда на побеленном потолке. Ей хотелось немедленно забыть обо всем, утром понять, что это был всего лишь кошмарный сон, который никак не наступал и лишал ее этого права.

На следующее утро после завтрака и перед занятиями к Лизе подошла Фрау фон Шварц.

– Ах, моя дорогая девочка, мне, верно, следовало успокоить тебя и не обвинять в случившемся, но я не смогла сдержать своей злости, – проговорила она. – Надеюсь, о нашем инциденте никто не узнает, а мы – все, кто это видели, похороним твой позор глубоко-глубоко в своей памяти?

– Да, конечно, – закивала девушка.

– Умница! – сказала Классная Дама и провела своей сухой

рукой по пышным волосам Гимназистки. – Так часто нам приходится вычеркивать из памяти дурные моменты, отвратительных и скверных людей. Верно, если бы мы помнили все это, то сошли бы с ума еще в молодости, в часы наших первых грехов и ошибок. У каждого из нас есть свое маленькое кладбище в голове, на котором похоронены не только мрачные дни и дурное настроение, но и, зачастую, много всего прекрасного, – не сводя глаз, шептала на ухо Лизе Хельга. – Хоронить можешь ты, а могут похоронить тебя! Никогда не знаешь, кто и что там окажется. В этом наша жизнь прекрасна и до последней минуты – жестока.

Женщина повернулась спиной и ушла, добавив при этом: – Я жду тебя на занятиях по живописи. Следи за временем, последние годы оно ценнее любви, Элизабет...

На занятиях по литературе во время изучения немецкой классики, когда гимназистки читали короткие новеллы по очереди вслух, Лиза позволила себе вольность повернуться в окно, посмотреть на небо и помечтать. Она беззаботно улетела в мир грез и прекрасных мыслей о своем будущем и совсем не заметила, как Сара – пышногрудая в свои 20 лет девица, прислужница Софии и Классной Дамы – бросила книгу ей на стол.

– Элизабет, вы не следите за текстом? – выждав 30 секунд, спросила преподаватель Анастасия, что стояла у доски и руководила процессом чтения.

– Что?.. Простите, я совсем задумалась! – честно призна-

лась Гимназистка, как в ту же секунду получила сильную затрецину от сидящей на парте позади Софии.

К удивлению преподаватель не сделала замечание обидчице и сказала лишь: «Второй абзац с красной строки... и побыстрее!»

Подобных ситуаций было не меньше десяти. То Лиза случайно запнется ногой об ногу на балльных танцах, то забудет в своей комнате тетрадку с прилежно выполненным домашним заданием, а то и вовсе зачитается вечером стихов и проспит первый урок. Конечно же, никто из сожителей не поспешит разбудить рассеянную девушку. Наоборот. Здесь каждый сам за себя.

За несколько месяцев совместного проживания гимназистки заметили, насколько крепок и безмятежен сон Элизабет, чем тут же решили воспользоваться в одну из ночей, привязав ее темные косы к спинке кровати. «Лиза! Лиза! Просыпайся немедленно, мы все проспали!» – закричали хором тупоголовая Сара и страшная, как похмелье поэта, Анна на радость своему вожажу Софии, которая потом во всех красках рассказала об инциденте Хельге. Классная Дама от души посмеялась, даже пустив несколько слезинок.

«От того, что Гимназистка резко подскочила, в комнате раздался громкий треск, мгновение спустя сменившийся криком, плачем и слезами. Лиза выла от боли не меньше часа», – быстро тараторила София, как в это время Элизабет приводила себя в порядок, торопясь ни в коем случае

не опоздать на уроки.

Только опухшие веки выдавали море переживаний, в которые ей довелось окунуться, и слезы, до хрипа непохожие на слезы удовлетворения Фрау Фон Шварц.

В конце ноября к Элизабет наконец-то приехали ее родители. Отец с распростертыми объятьями встретил свою дочь, в отличие от сухой и черствой матери, которая перекинулась с ней всего парой-тройкой слов.

Хельга с улыбкой показала Паттерсонам комнату их дочери, во всех подробностях рассказав о том, как Лиза счастлива и беззаботна в гимназии, схватывает учебный материал «слету» и прилежно выполняет все домашние задания. Почему-то отец почувствовал в словах Классной Дамы подвох и решил поговорить с дочерью. Увы, он не мог догадываться обо всем происходящем. Ему бы следовало поговорить с дочкой тет-а-тет, а не под пристальным вниманием Фрау фон Шварц, которая взглядом подавляла искренность Лизы.

– Скажи, моя дорогая, как у тебя дела? Как тебе гимназия? Как преподаватели и дисциплины? – спросил Мистер Паттерсон, сидя на кухне вместе с Лизой и Фрау фон Шварц.

Гимназистка не стала жаловаться отцу. Потупив взгляд, она соврала, ведь врать в этой гимназии до того просто, что можно даже не отводить глаза в сторону:

– Мне очень нравится. Предметы великолепны! Не так давно на философии мы проходили Платона. Я узнала очень многое для себя, например, то, как в своих трудах он уподобляет разумную часть души – пастырю стада, а волевую или яростную часть души – сопутствующим пастырю собакам, помогающим ему управляться со стадом, в то время как неразумную, страстную часть души он называет стадом, добродетель которого – подчиняться пастырю и собакам, – с интересом рассказывала Лиза своему отцу. Но вряд ли ему это было интересно. – Порой я ощущаю все три части внутри себя, а порой не могу разобраться и отделить разум от эмоций и поэтому плохо сплю ночами...

– Такое бывает! – перебила ее Хельга. – Вначале на первом курсе – многие гимназистки испытывают переизбыток информации, – затем она обратилась к Стэнли. – Мы учим их заново видеть этот мир, впитывать его каждой порой своей кожи. Они рождаются заново, испытывая не физическую боль младенца при рождении, а боль душевную, еще более томительную и глубокую. Это звучит жестоко, но это единственный путь осознать себя в этом мире, – пояснила она и бросила неодобрительный взгляд в сторону Элизабет. – Вы можете не переживать... у нас совершенно все под контролем.

Все четверо отпили свежий, сваренный на медленном огне кофе и на минуту замолчали.

– Фрау Хельга права! – кивнула Гимназистка. – У нас

очень много предметов. Вчера на занятиях по этикету мы изучали светские манеры, учились поддерживать любой, даже самый неинтересный разговор и тренировались слушать и проявлять уважение к своему собеседнику. Это было очень тяжело, но интересно. Еще никогда люди не казались мне столь глубокими созданиями со своими собственными переживаниями и мыслями. Я думала, что мы все думаем примерно об одном, никогда не обманываем друг друга и всегда соблюдаем золотые правила нравственности. Папа, я поняла, что это не так!

Не дослушав, в беседу вступила мать.

– Элизабет, совсем скоро мы улетаем на Запад. Возможно, мы проживем там один или два года, поэтому не сможем видеться с тобой. Папе нужно расширять свой бизнес, а Запад сегодня – это самая лучшая площадка для завтра, – говорила она. – Но мы будем писать тебе письма.

– Хорошо, – грустно произнесла Лиза. Ее настроение заметно ухудшилось. Теперь она чувствовала себя в одиночестве среди стада собак, которые раскрыли свои пасти и бродят вокруг нее без пастыря, норовя в любой момент слететь с цепи, забрызгивая пеной бешенства все вокруг, и разорвать девичью плоть клыками.

Еще больше она боялась себя, ведь совсем недавно заметила за собой нечто удивительно странное, на что я хочу, мой благосклонный читатель, обратить ваше пристальное внимание и рассказать во всех подробностях.

Каждую пятницу старшекурсницам разрешалось съездить домой в город на выходные, поэтому Лиза оставалась в комнате одна и могла позволить себе допоздна просидеть за книгами, которые с каждым занятием по философии становились все скучнее и понятнее. Ближе к двум ночи Лиза выключала свет, ложилась на спину, закрывала глаза и подолгу думала обо всем прочитанном. Когда же девичье сознание погружалось в царствие Морфея, она начинала чувствовать чьи-то жутко холодные пальцы на своем лбу, которые, скользя, мягко надавливали на веки, заставляя глаза перестать вращаться во сне. Пальцы замирали, но уже через мгновение скользили по щекам к губам. Элизабет начинала тяжело дышать, не столь от возбуждения или страха, сколько от неизвестности. Она боялась открыть глаза и осознать, что это вовсе не сон, что таинственный гость или гостья из параллельного мира есть не плод ее воображения, а нечто существующее наяву. А между тем... холодные пальцы... Ах, эти холодные пальцы все скользили и скользили дальше, то возвращаясь на лоб, то опускаясь ниже по шее, лаская и щекоча нервы, что жуть как возбуждало Гимназистку. Ей хотелось навечно замереть в этих животных ощущениях, столь незнакомых ей, но она боялась узнать правду, встретиться лицом к лицу с видением. *«Скучен и беден мир тех, кто не нашел порока для себя, кто еще не был на дне своего сердца и ни разу не предался греху»*, – доносилось с разных сторон комнаты.

По пятницам его пальцы замирали на ямочке внизу шеи, а одеяло странным образом падало на пол, от чего Лиза оставалась только в одной сорочке и белых трусиках. С каждым вздохом ее телу становилось холодно, по юной коже ползли тысячи мурашек, а где-то внутри души, скрытый от чужих глаз, вулкан выплевывал раскаленную лаву страсти, сжигая на своем пути мораль и всю сознательно напыщенную святость.

Ей, как и любой женщине на Земле, хотелось любви, но прикоснуться к ней она боялась, испытывая скрытую тревогу. Невозможность воплощения своих желаний наводила на нее скуку, которая ближе к вечеру сменялась меланхолией и апатией. Она не раз, в понедельник и во вторник, в среду и четверг, признавалась себе, что ждет лишь пятницы, чтобы в очередной раз закрыть глаза и, нервно вздрагивая кончиками пальцев, дожидаться гостя.

– Сколько бы ни было в тебе весны, рано или поздно ты найдешь свою осень, словно из тысячи вин, сухих и полусладких, встретишь что-то незабываемое и совершенно другое. И не бойся... и не бойся моего возвращения в скрежете окон и мерцании вольфрамовых ламп. Я еще вернусь к тебе, Лиза... – шептал ей незнакомый голос. – Я еще вернусь... вернусь... вернусь... Запомни эти слова! И Лиза засыпала спокойным и безмятежным сном, в котором все было гораздо чище и лучше, чем в реальности. Ни переживаний, ни страхов, ни осыпающихся, как листья в октябре, мечта-

ний. Все, что тревожило и беспокоило, в мгновение, исчезало как дым. Уходя, Таинственный Гость аккуратно и стараясь не шуметь, складывал рабочие тетради Гимназистки в ее тумбочку.

Об этих видениях Гимназистка не говорила никому, и уж тем более своим родителям, считая с ранних пор, что они совершенно не понимают ее.

Это действительно было так!

Мать и отец извечно решали только проблемы своих взаимоотношений, подкупая дочь дорогими подарками, вместо банального внимания, заботы и теплоты. Об еще одной пятнице она так и не поведала им на субботней встрече, утопив переживания в подсознании и рассказав только о дисциплинах в гимназии. Она попыталась косвенно намекнуть на то, что не может найти здесь подруг, с которыми можно было бы обсудить проблемы в свои 18 лет, но ни Стэнли, ни Оливия не обратили на это должного родительского внимания.

– Помни, что мы очень тебя любим! – сказал ей отец и дал в подарок маленький флакончик французских духов. – Мы напишем, как будем на Западе...

– Элизабет, – обратилась к дочери мать. – Веди себя как подобает леди и поменьше увлекайся философией. Этот пережиток древности может свести с ума неподготовленного! Постарайся больше времени уделять чему-нибудь другому. Изучай этикет и французский язык. Не вздумай учиться русскому, он портит всякое произношение, моя дорогая! – аб-

солютно ничего не понимая в лингвистике, дала напутственное слово мать.

Автомобиль мистера и миссис Паттерсон скрылся за горизонтом, а Лиза, опечаленная родительским непониманием, вечером в комнате написала в свой дневник: *«Ни любовь, ни искусство, ни наука не могут быть изучены без любви к мудрости, то есть философии, как ночь не может быть полноценна без темноты, а ветер – без холода и простуды. Невыносимо больно от того, что это понимает все меньше людей. Но это мелочь по сравнению с тем, сколь малое количество понимает меня – ту, которой ближе прохладный ветер и тишина...»*

– Неужели так интересно писать свои мысли для никого и в никуда? – обратилась к ней Анна, койка которой стояла параллельно кровати Лизы в другом углу.

Замешкавшись, Гимназистка ответила:

– Я пишу то, что чувствую, а порой мысли не помещаются в моем сознании и мне нужно обязательно вытеснить их на бумагу. Если я этого не сделаю, то, верно, сойду с ума раньше, чем окажусь в лечебнице. И все же это не графомания и не тоска... что-то другое... совершенно неопределенное и скрытое от моего ума...

– Может быть, тебе стоит выехать в город, отдохнуть, прогуляться, подышать свежим воздухом, выпить вина и впервые почувствовать себя женщиной, а не блеклой дурнушкой с двумя срамными косами? – засмеявшись, спросила Анна.

Про возможность выехать в город Элизабет никто ничего не сообщал, а в силу своей скромности она и не думала задать вопрос Классной Даме первой, поэтому ничего не ответила, а лишь поставила многоточие в своем дневнике, закрыла и убрала в тумбочку.

– Почему ты мне не ответила? Тебе нечего сказать?! – настойчиво произнесла Анна, встав с кровати и вплотную подойдя к девушке. Она смотрела на нее сверху вниз, взглядом, каким убийца смотрит на свою жертву, а Лиза не понимала причину такой ненависти к ней.

Совсем неожиданно, кто-то с силой вздернул Гимназистку за волосы. Девушка хотела было закричать, но второй рукой ей заткнули рот.

– Что ты прячешь от нас в своем дневнике?! – бубнила себе под нос Анна, смотря на то, как София с силой удерживает хрупкую девочку и до боли натягивает ее косы. – Сейчас мы посмотрим, какие секреты и какой бред ты хранишь на страницах своей никчемной «Библии дурочки».

Увы, им не удалось этого сделать. Дверь неожиданно распахнулась. На пороге комнаты №69 показался Профессор Беррингтон, который немедленно подбежал, скрутил руки обидчице и вырвал жертву из ее лап.

– Вы в своем уме? Что здесь происходит? – разводя руками в разные стороны, кричал Эдгар. – Я повторяю свой вопрос: «Что здесь происходит?» Немедленно отвечать, иначе я позову Коменданта, и она поставит вас на ночь на колени!

Девушка молчала. Половина лица была скрыта в тени, половина будто бы улыбалась, отчего Беррингтон чуть было не пришел в ярость, но, глубоко вздохнув, сказал лишь:

– Лиза, пойдем со мной! Завтра я позабочусь, чтобы тебе выделили отдельную комнату...

Гимназистка, взяв дневник из тумбочки и надев тапочки, в одной пижаме, послушно пошла за Профессором, чувствуя на себе жестокий взгляд Софии и Анны, которых, конечно же, боялась.

Когда они вместе, тихо и стараясь не шуметь, поднимались по лестнице на третий этаж – в комнату Беррингтона, дверь Хельги слегка приотворилась. Женщина проследила за ними до самой двери и, услышав щелчок задвижки с другой стороны, выругалась шепотом: «Эта маленькая шлюшка еще взвоет!»

Комната Эдгара была не такой уж и большой, какую представляла себе Гимназистка. Напротив двери стоял лакированный письменный стол, на нем ночник, коробочка с письменными принадлежностями, стопка бумаг и шахматы, сделанные не из чего-нибудь, а из слоновой кости. У ее отца были примерно такие же, только более вытянутые в высоту фигурки пешек и совершенно другие фигуры шахматных офицеров. Если смотреть от двери, то слева от стола стоял вы-

сокий книжный шкаф, под завязку забитый книгами разной толщины. Большие – книги великих античных и средневековых умов, чуть тоньше – книги со сборниками стихов и совсем тонкие – неизвестные методические пособия и учебники. Справа от стола была тумбочка, каждый ящик которой был закрыт на замок. На самой тумбе стоял массивный железный сейф. Казалось, что он вот-вот проломит ее и свалится на пол. Справа от двери был разложен небольшой диван с незаправленной постелью. Должно быть, Профессор спал в тот момент, как услышал крики на втором этаже.

– Лиза, присаживайся! – указал ей Беррингтон на стул напротив письменного стола. – Чтобы успокоиться я дам тебе немного «волшебного зелья», способного отвести мрак даже в самый непогожий день. Не спрашивай, из чего он соткан, просто прими это как подарок от твоего благословенного учителя, дорогая, – обратился он к девушке.

Элизабет послушно села на стул, смотря по сторонам и чувствуя себя неловко в спальной одежде.

На стенах комнаты Беррингтона висели черно-белые картины, на прибитых полках стояли полусожженные свечи разной высоты и толщины, на письменном столе она увидела дневник в кожаной корочке.

– Вы тоже ведете личный дневник? – не удержавшись, спросила Лиза.

– О, да! Это моя маленькая слабость, – улыбнулся Профессор, наливая из бутылки в фужер себе и Лизе крепкую

15-градусную настойку из вина и опиума, добавляя в нее еще несколько капель спирта. – Я начал вести дневник с 14 лет, когда понял, что мысли в моей голове уже давно не помещаются и через кровь идут по направлению к сердцу, насилуя и издеваясь над ним. Я понял, что думать и рассуждать, хранить все мысли в своей голове есть высшее зло. За это можно поплатиться – сойти с ума. Выражать их письменно, будь то в стихах или прозе, лично для меня это удобная форма борьбы со своими собственными переживаниями.

Эдгар подошел сзади девушки и незаметно, закрыв глаза, понюхал ее волосы, уловив соблазнительный аромат невинности и чести... затем вернулся обратно и, как ни в чем не бывало, сел напротив Гимназистки, протянув ей фужер из тонкого стекла. Ему хотелось, чтобы она выпила это «волшебное зелье», словно самая сухая пустыня хотела вздохнуть проливным дождем хотя бы раз.

– Позвольте, я договорю, а после этого мы с вами выпьем?! – предложил он.

– Конечно-конечно, мне очень интересно, – мило улыбнулась девушка, держа в руке фужер с напитком цвета багровой крови.

– Ты удивлена тем, что я предложил тебе в этом фужере? Ах, при свете этих совершенно не романтических лампочек цвет зелья совершенно безвкусен... – Профессор встал и зажег несколько свечей, поставив их на свой письменный стол по краям на запад и восток. – Только так оттенки начина-

ет пылать магией, затрагивая все наши чувства... Мы смотрим на бокал и слышим цвет; мы прислушиваемся к вкусу и видим его оттенок, мы прикасаемся к нему нашими губами и языком – начинаем чувствовать, как он обнимает нас...

Лиза посмотрела в фужер. И правда... и правда... Как он прав! Совершенно монотонный цвет винного напитка стал лосниться от каждого луча теплого света свечей. Казалось, что огонь оживил напиток ровно настолько, насколько вода способна оживить умирающего от жажды странника. Девушка слегка наклонила вытянутый фужер, и «волшебное зелье» самым чудесным образом последовало к нужным рецепторам языка, потом отклонила от себя... и снова... и снова... и снова... как невозможно пчеле оторваться от меда, как невозможно не целовать губы любимого человека, так и нереально не выпить все до конца.

– Не правда ли, чудесно?! Лиза, не правда ли, это лучшая формула вина для тебя и меня? – улыбнулся Беррингтон, смотря на то, как в глазах юной Элизабет полыхает пламя горящих свечей.

– Да, это просто волшебство! – кивком головы, согласилась Гимназистка, искренне и воодушевленно, словно впервые в жизни прикоснулась к чему-то запретному.

Эдгар помолчал около минуты и все же решился вернуться в самое начало разговора.

– Я вижу, что и ты ведешь свой дневник, Лиза. Ты записываешь в него свои мысли или чувства? – спросил он.

– Не знаю. Порой мне кажется, что я не могу отделить одно от другого... порой мне кажется, что, начиная думать логически, я непременно попадаю в бурю эмоций внутри себя.

– *Cogitationes poenam nemo patitur* или *никто не несет наказания за одни только мысли*. Мне очень знакомо твое чувство! – перебил ее Профессор. – Именно поэтому я сказал, что думать и рассуждать есть высшее зло на свете. Как только ты погружаешься в мысли и пытаешься разложить эту жизнь по полочкам, ты становишься самым одиноким на свете человеком... как только ты задумываешься о любви, то моментально ее теряешь, а вместе с ней теряешь и самого себя, более не находя ничего более прекрасного в жизни, – философски рассуждал он, сделав любимую вставку на латыни. – В 14 лет мне стало это понятно, до боли в мозгу очевидно, и всякий раз, когда я что-то не мог осознать, я просто открывал чернильницу, доставал белый лист бумаги и старался записать все как можно детальнее. Чем сильнее было переживание, тем больше текста...

Гимназистка кивала, соглашаясь с каждым словом сидящего перед ней мужчины. Она бы с удовольствием слушала его часами, но желание вновь испробовать «волшебное зелье» брало верх, и мокрые ладони были прямым доказательством этому. Но Эдгар все продолжал и продолжал:

– Я вижу, что отношения между тобой и другими гимназистками совсем не задались. А знаешь почему? – спросил Беррингтон, подлив ей еще немного вкусного сладко-горь-

кого напитка.

– Почему? – ответно спросила Лиза, не отрывая взгляда от удивительно красивой жидкости в фужере.

– Потому что ты хранишь секреты в себе, – слегка прищурив левый глаз, быстро и четко, ответил Профессор. – Ты хранишь в себе очень много секретов. Я это заметил с первых дней твоего пребывания в гимназии. Ты холодна с матерью и так притворно любима отцом; тебе достались серебряные украшения, которые я откладывал только на самый крайний случай, всегда запасаясь золотом впрок, но ненавидя его всем сердцем; ты ведешь дневник, хотя все девушки в стенах этого трехэтажного дома привыкли общаться друг с другом, делясь секретами и превращая их в дешевые сплетни, оскверняя все глаголы и существительные – все факты – яркими лживыми прилагательными. Я могу продолжать еще очень долго! Но не это главное, Лиза! Главное, что ты не похожа на них, как небо не похоже на землю, как черно-белая картина не похожа на цветные безвкусные мазки. А ты и есть черно-белая картина, которая внешне припорошена легкой меланхолией, но в глубинах твоих глаз живет животная страсть, сидящая вот уже 18 лет на цепи.

От этих слов девушка вздрогнула. Такое ощущение, что этот мужчина читал ее дневник. Да-да, ведь в 17 лет она написала подобные слова: *«В глубине моих глаз живет одна лишь тьма...»*. Ей стало страшно, да ей и было не по себе только от одной мысли, что Профессор Беррингтон и ее

отец Стэнли были необычайно похожи. Нет-нет, внешнего сходства было мало, но это такая мелочь. Элизабет только за 15 минут нашла целое множество аналогий и сходств. Оба любят шахматы, оба говорят запутанно, сложно и непонятно, оба любят психологию и философию, и даже голосе с легкой хрипотцой могут вместе звучать в унисон. Лизе всегда было важно слышать больше, чем видеть. В разговоре с едва знакомым человеком девушка просто закрывала свои глаза и вслушивалась в льющуюся от собеседника мелодию, словно хотела музицировать наяву. И сейчас, ах, сейчас! Насколько чарующим, глубоким, мудрым и заботливым слышался ей мужчина напротив. *«Слышала... слышала... я уже не раз слышала этот прекрасный голос!»*, – кричала она внутри себя, не отводя взгляда от аккуратно расставленных шахмат с выдвинутой белой пешкой D2-D4. Все в кабинете Эдгара говорило о его щепетильности и врожденной педантичности. К примеру, книги, расставленные в алфавитном порядке строго по томам, шахматы, каждая фигурка которых стояла точно на середине черной или белой клетки и многое другое. И Лизе это не могло не нравиться, даже если не обращать внимания на отличный внешний вид Профессора: его аккуратную стрижку, выглаженный костюм-тройку, ниспадающую из нагрудного кармана золотую цепочку от часов и отличное для его возраста телосложение.

От мыслей, что время прыгнуло в новые сутки, властвует над душами спящих в полночь, а она находится тет-а-тет

со взрослым мужчиной, девушка почувствовала огненный водопад в своей груди, волна от которого устремлялась вниз, заставляя трястись и неметь ноги.

– Я вижу, тебя привлекли шахматы? – улыбнувшись, сказал Беррингтон.

– Да. Мой отец очень любит шахматы, в молодости он не раз выступал на соревнованиях и побеждал. Свою главную победу на чемпионате страны он посвятил моей маме, которая тогда была беременна мной на восьмом месяце, – ответил Гимназистка. – Поэтому, я не могу не любить шахматы, хоть и совсем не умею в них играть.

– В шахматы не играют! – серьезно заявил Эдгар, взял фигурку ферзя с доски, поднес ее поближе и, покручивая, начал рассказ. — *Mei fatum in manus* или *моя судьба – в моих руках*. Это емкое высказывание подходит не только к шахматам, но и к нашей с вами жизни. Только взгляните на эту доску – сразу же поймете, что создавали ее по образу и подобию людских судеб. Одним – вечно быть пешками, другим дают право считать, что они много значат, бегая по диагонали или по прямым, третьим – создали иллюзию власти, ограниченную одним шагом, четвертых – самых лучших, которых искренне любят, боятся потерять, но из-за страха и глупости теряют быстрее пешек. Не правда ли, Лиза, это похоже на жизнь? Я не жду от тебя ответа, ибо это и есть истина. Взгляни, моя прекрасная Гимназистка, на эти 64 клетки – 32 их них черные, 32 из них белые... взгляни, моя юная

ученица, на эти 32 фигуры, из которых опять же половина черная, а половина белая. Они стоят напротив друг друга, то есть друг против друга, но каждая из них готова сложить свой меч за игрока, как и мы с вами готовы умирать ради единственной цели. Любовь? Власть? Страсть? У каждого свое...

Беррингтон поставил ферзя на место.

– ...кажется, что все просто, но за этой простотой скрываются миллионы комбинаций, часть из которых заведет игрока в могилу, а часть подарит триумф победы. Ах, наступит завтра, и эта же выигрышная комбинация уже не сработает, заставив слепого короля сдаться из-за более хитроумного плана соперника. Но все это всего лишь рассуждения и мысли, быть может, и притянутые за уши... да, быть может, создатель шахмат вообще не думал об этом, просто создавая развлечения для себя и своих богатых и влиятельных друзей.

– Очень интересно. Я никогда не думала об этом, – искренне призналась Лиза.

– Как говорят классики, «причину всех причин, всех бед и неудач знает только куритель опиума», – с важным видом высказался Профессор, задвинув пешку обратно. – Неизвестно, когда начнется новая партия, когда жизнь поставит шах, а смерть – мат. Увы-увы... Ах, что-то я совсем навел на вас тоску октября. Давайте же, дальше пить «волшебное зелье» и, быть может, тогда нам станет все гораздо яснее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.